Под тенью липы, перед дверью
Избушки дряхлой и простой,
Играет бандурист седой.
Вокруг него с обычной ленью
Толпа украинцев стоит.
Он тешит их, детей природы:
То им "метелицу" звучит,
То про гетманские походы
Красноречиво говорит,
То упырей в час непогоды
Поет ночные хороводы...
Но вот как будто страшным сном
Старик встревожен; взор угрюмой
Блестит нерадостною думой...
Он покачал седым челом,
Вздохнул — аккорды застонали,
И горьким голосом печали
Запел он песню о былом:

"Там, где быстрая Сула
Лентой по степи пошла,
На полянах солоницы
Коней дикая станица
Без боязни воду пьет;
Где ковыль, как снег, белеет,
Пудовой арбуз растет,
Золотая дыня зреет
И в зерцало глубины
Гордо смотрятся Лубны,
Там широкими степями
Мчатся вольные полки,
Мчатся наши казаки.
Степи стонут под конями:
То за родину войной

Наливайко поднял знамя:
Ляхам всюду меч, и пламя,
И постель в земле сырой.

Полководец Польши дерзкой,
Несговорчивый Жолкевской,
На Украину идет.
Знамя Речи Посполитой
Вьется в воздухе развито;
К бою войско знака ждет.
Лях, по виду — непреклонный,
Раб ксендзов и богачей,
И казак, душою вольный,
Зря врага, самодовольный
Друг на друга мещут взгляд:
В нем пылает мести яд.

— Полно нам в неволе жить,-
Начал гетман говорить,-
Много мы и так терпели:
Униаты захотели
Наш святой закон попрать,
Всюду польские костелы,
Всюду езуитов школы
Самовластно учреждать.
Пусть дадут по крайней мере
Умереть в отцовской вере.
Будет и была чиста
Наша вера во Христа! —

Он сказал — и в бой великий,
Смертоносный полетел...
Огласилось поле криком,
Гром орудий загремел...
Видно, так судьба судила!

Бог Украину наказал:
Наливайко в плен попал;
Наша слава приуныла;
На украинских степях
Победил счастливый враг!
Там, далеко, за границей,
В католической столице,
К площади народ спешит:
Там на месте возвышенном,
В медном чане раскаленном,
Пленника хотят казнить.

***

Умер он за вольность края
И за веру пострадал..."

Умолк певец, печали полный;
На струнах голос замирал;
О Наливайке вздох невольный
Из уст в уста перелетал.
У черноглазой у девицы
Слеза повисла на реснице,
Старик поникнул головой,
Глаза у юноши сверкали,
И дети в страхе трепетали
От песни стороны родной.

1837